

Дирижирует Игорь Безродный

Тяготение ряда выдающихся исполнителей - инструменталистов к дирижерскому искусству в последние годы становится явлением довольно распространенным. У одних это носит разовый характер, у других приобретает черты постоянного и сознательного совмещения профессий. Но как бы то ни было, появление за дирижерским пультом музыканта, снискавшего себе заслуженную славу солиста-исполнителя, всегда вызывает оживленный интерес любителей музыки, пытающихся найти ответ на основной вопрос: то ли это «хоббист», стремящийся попасть в струю модного течения, то ли это музыкант с настолько большим духовным запасом, что ему становится тесно в рамках своей первоначальной профессии и который берется за дирижерскую палочку для того, чтобы с ее помощью еще полнее, еще ярче говорить со слушателями на языке музыки.

Все эти вопросы в полной мере относятся и к одному из выдающихся советских музыкантов-исполнителей заслуженному артисту РСФСР, лауреату Государственной премии СССР Игорю Безродному, который занимается дирижерской деятельностью уже на протяжении восьми лет.

В этом году ульяновцы дважды встречались с Безродным-дирижером. И если первая встреча в мае во многом была окрашена в любопытствующие тона («а как это у него получается») и успех того концерта можно было приписать «совмещению профессий» (Безродный выступал и как солист, и как дирижер), то новая встреча, лишенная налета сенсационности, дает основания серьезно говорить о том, что представляет из себя Безродный как дирижер.

Трудно сказать, что сложнее для утверждающего себя дирижера — выступать с сочинениями, мало знакомыми публике, или выносить на ее суд произведения досконально известные, имеющие массу исполнительских традиций. В последних концертах Безродный пошел по второму пути. Прозвучавшие под его управлением Шестая симфония и Концерт для скрипки с оркестром Чайковского, относятся к разряду произведений хрестоматийных, и слушатели прежде всего ждали, будет ли их исполнение «повторением пройденного» или дирижер найдет в утвердившейся исполнительской схеме новые краски, новые позоры.

Естественно, что прежде всего это относилось к трактовке Шестой симфонии.

Предвосхищая детальный разбор, следует сразу сказать, что в прочтении симфонии Безродный идет своим собственным путем, часто нарушая традиции. Возможно, что сторонники ортодоксального взгляда на это сочинение поставят это дирижеру в вину, но если рассматривать музыку не как умозрительную догму, а как вечно живой духовный процесс, то конечным крите-

рием следует считать ту силу эмоционального воздействия, которое исполнение оказывает на слушателя.

И с этой точки зрения можно смело утверждать, что Безродный добился отличных результатов. В его прочтении симфония прежде всего покорила правдой чувства, заключенной в выверенную логическую конструкцию. В исполнении привлекала необычайная широта эмоциональных градаций от «жутко» насыщенной экспрессии разработки первой части и первой темы финала, до необычайно чистой и светлой лирики второй части, где ясно были слышны и нежная поэтичность, и трогательные человеческие слезы.

У меня сложилось впечатление (да простится столь смелое утверждение), что как интерпретатор Безродный идет не от формы к содержанию, а от содержания к форме, то есть осмысливает построение формы в зависимости от того образного строя, который он увидел в произведении. И то, что в первой части вступление практически сливается с главной партией, и то, что третья и четвертая части исполняются фактически без перерыва, и некоторое замедление темпа в конце третьей части и ряд других деталей существенно проясняют исполнительский замысел.

В течение многих лет в отношении третьей части симфонии существовало мнение, что это образ добрых созидательных сил, противостоящих злу, что в общем-то плохо укладывалось в рамки замысла сочинения. В последние годы этот взгляд отмечен и симфонии возвращено авторское, трагическое толкование. Но очень часто дирижеры при исполнении этой части словно просят нас «поверить им на слово», не приводя убедительных аргументов. Безродный же сумел найти в музыке те малюсенькие штрихи, которые придали ей злобный, жестокий характер, не оставляющий никаких сомнений.

Несколько слов о чисто внешней дирижерской манере Безродного. Он не относится к числу дирижеров, действующих магически на публику. Но невольно удивляешься насыщенности и одухотворенности его, лишенного «красивости» жеста. Все очень точно, без излишней аффектации, только отражение внутреннего состояния, не только направляющее, но и помогающее исполнению (особенно когда это касается струнной группы).

В первом отделении концерта Безродный зарекомендовал себя чутким аккомпаниатором в Скрипичном концерте Чайковского, который был ярко, с блеском сыгран заслуженным артистом РСФСР С. Снитковским.

Итак, состоялась новая встреча с ярким музыкантом, который убедительно утверждает свое право заниматься самым сложным видом музыкального исполнительства — дирижированием.

С. ДАНИЛОВ.